
Цена
ДОЛГА
Одно письмо. Один долг.
Одно правило — не отказываться.
18+
Руни Миррор

Руни Миррор

Цена долга

«Автор»
2026

Миррор Р.

Цена долга / Р. Миррор — «Автор», 2026

Валерия Сомова получает письмо, которое меняет всё. Долг отца, сорок два миллиона, и человек, готовый его закрыть. Имя на подписи: Анатолий Словакин. Однако, чем глубже она уходит в его мир, тем сильнее трещат стены. В архиве она находит документы, которых не должно существовать. Чужая подпись на её собственной семье. Голос матери, которая когда-то пыталась защитить её от этого человека.Правила Словакина начинают меняться. Его взгляд задерживается дольше, чем нужно. Его прикосновения, которых он себе не разрешает, становятся всё ближе. И Валерия понимает, что самое опасное в нём не жестокость, а то, как сильно ей хочется узнать, что скрывается за белыми шрамами на его руках.Она дала слово выполнить условия. Но никто не предупредил её, что долг можно заплатить не только деньгами.18+. Книга содержит сцены эротического характера, сильные эмоции, психологическое напряжение и жёсткие сюжетные линии.

© Миррор Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо с печатью. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Руни Миррор
Цена долга

Глава 1. Письмо с печатью.

Письмо пришло во вторник, и я запомнила это, потому что во вторник у меня всегда пахнет кофе из автомата на первом этаже и никогда ничего не случается.

Конверт был плотный, кремовый, без обратного адреса. Внутри лежал один лист. Четыре строки. Сумма, которую я уже знала наизусть, потому что папа повторял её последние полгода, как молитву, в которую никто не верит. Дата. И подпись, выведенная так уверенно, будто человек ставит её на собственном надгробии: *А. Словакин*.

Я перечитала дважды. Потом сложила лист пополам, потом ещё раз и сунула в карман пальто, как будто от этого он перестанет существовать.

Не перестал.

— Лера, ты в порядке? — Лена стояла в дверях нашей крохотной редакции и держала два стакана. — Ты белая, как вчерашний снег.

— Всё нормально. Мне нужно уйти на пару часов.

— У тебя сдача в четыре.

— Знаю.

Я уже натягивала шарф, когда поняла, что не помню адреса, по которому мне велели явиться. Адреса там не было. Была только строчка внизу мелким шрифтом: *Сегодня, 18:00. Вас встретят.*

Здание стояло на набережной, там, где город заканчивается стеклом и начинается вода. Серое, без вывесок, с одной дверью и охранником, который посмотрел на меня так, будто уже знал мою фамилию и мой долг, и теперь ему просто неинтересно.

— Сомова? — спросил он.

— Да.

— Пятый этаж. Лифт сам знает дорогу.

Лифт и правда знал. Он поднимался плавно, почти бесшумно, и я стояла внутри с ощущением, что меня везут на допрос в очень дорогом костюме. Зеркало на стене отражало женщину в старом пальто с растрёпанной косой. Я поправила воротник и подумала, что выгляжу именно так, как чувствую себя: человеком, которому не оставили выбора.

Двери открылись прямо в кабинет. Без коридора, без приёмной. Огромное окно во всю стену, тёмное море за ним и мужчина, стоящий ко мне спиной.

Он не обернулся.

— Садитесь, Валерия.

Никто не называл меня полным именем, кроме учительницы литературы в шестом классе и мамы, когда та была очень зла. Я села. Кресло оказалось мягче, чем я ожидала, и это меня разозлило.

— Вы Словакин.

— Вы догадались.

Он повернулся. Высокий, темноволосый, в тёмной рубашке с закатанными рукавами. На предплечье, там, где кожа загорелая, сходились несколько тонких белых полос, будто от старого ожога или царапин, которые давно зажили. Лицо спокойное. Слишком спокойное для человека, который только что поставил моего отца на грань.

— Вы понимаете, зачем вы здесь? — спросил он.

— Понимаю, что вы купили долг моего отца.

— Я не покупал долг. Я выкупил его у людей, которые хотели бы, чтобы вы не спали по ночам. Разница есть.

— Для меня никакой разницы.

— Пока.

Он сел напротив, не за стол, а в кресло через журнальный столик, так что между нами оказались только стеклянная поверхность и тонкая папка. Открыл её. Пролистал, будто напоминал себе, что там написано.

— Ваш отец должен мне сорок два миллиона, — сказал он ровно. — Он подписал документы, которые не читал. Вы это знаете.

Я знала. Знала и то, что папа не читает документы с тех пор, как мама ушла. Он подписывал всё, что ему приносили, потому что это был единственный способ заснуть.

— Что вы хотите?

Анатолий Словакин закрыл папку. Посмотрел на меня прямо, и в этом взгляде не было ни похоти, ни жалости, ни злорадства. Был только расчёт, холодный и точный, как будто он уже проиграл этот разговор в голове сто раз и знал все ходы.

— Я хочу, чтобы вы работали на меня, — сказал он. — Год. В моей компании, в моём доме и по моим правилам. Если вы выполните условия, долг обнуляется, а ваш отец получает письменную гарантию, что его никто не тронет.

— В вашем доме.

— Да.

— Это звучит как сделка с дьяволом, — сказала я, и голос у меня вышел на удивление ровным.

Он чуть склонил голову.

— Дьявол бы не предлагал вам выбор, Валерия. Он бы просто забрал отца и не спрашивал.

Внутри что-то дрогнуло. Не от страха. От того, что он был прав, и это было хуже всего.

— А если я откажусь?

— Тогда ваш отец получит визит. Не от меня. От людей, которые не умеют договариваться и которым я уже пообещал, что вопрос будет закрыт до конца месяца.

Тишина повисла между нами, тяжёлая, как мокрое полотенце. За окном ушёл паром, оставив белую полосу на тёмной воде.

— Почему я? — спросила я.

Впервые он не ответил сразу. Что-то мелькнуло в его глазах, быстрое, почти незаметное, и тут же исчезло.

— Потому что вы единственная, кто пришёл сюда сам, — сказал он наконец. — Ваш отец бы не пришёл. Он бы подписал.

— Вы его знаете?

— Знаю достаточно.

Я хотела спросить, что это значит, но вместо этого спросила другое:

— Какие правила?

Он улыбнулся коротко, без тепла, одними уголками губ.

— Первое: вы не задаёте вопросов о том, чем я занимаюсь вне офиса. Второе: вы живёте там, где я скажу. Третье: вы не пытаетесь уйти, потому что уйти вам некуда, и мы оба это понимаем.

— А четвёртое?

— Четвёртое вы узнаете, когда оно понадобится.

Я смотрела на него и понимала, что соглашусь. Не потому, что сильная или смелая. Потому что в конверте лежал лист с папиной фамилией, и я знала, как папа выглядит, когда просыпается от кошмара посреди ночи и не помнит, где находится.

— Мне нужно время, — сказала я.

— У вас до утра.

— Это несправедливо.

— Нет. — Он поднялся и подошёл к окну, снова повернувшись ко мне спиной. — Справедливо было бы, если бы ваш отец не брал деньги у людей, которым нельзя занимать даже в шутку. Но мы живём не в справедливом мире, Валерия. Мы живём в том, где кто-то платит.

Я встала. Колени слегка дрожали, и я надеялась, что он этого не видит. Пошла к двери и остановилась на пороге.

— Словакин.

— Да?

— Если вы хоть раз притронетесь ко мне без моего разрешения, я найду способ сделать так, чтобы вам было очень плохо.

Он не обернулся. Но я видела его отражение в тёмном стекле и видела, как уголок его рта дрогнул, будто я сказала что-то очень смешное.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал он тихо. — Именно поэтому я вас и выбрал.

В лифте я наконец выдохнула. Руки тряслись так, что я не сразу попала ключом в домофон на улице. Перед глазами стояло одно и то же: его спина, его голос и эти белые полоски на загорелой коже, которые я почему-то запомнила лучше всего.

Телефон зазвонил, когда я уже дошла до остановки.

Папа. Голос у него был трезвым и растерянным, как у ребёнка, который потерялся в магазине.

— Лера, — сказал он. — Тут приходили люди. Очень вежливые. Сказали, что ты уже знаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.